

Каждой выжившей

Естественной смерти не существует: ни одно несчастье, обрушивающееся на человека, не может быть естественным, ибо мир существует постольку, поскольку существует человек.

СИМОНА ДЕ БОВУАР.
*Очень легкая смерть**

* Пер. Н. Столяровой.

АМАНДА

1.

Беспорядок, обнаруженный утром, напоминает, что я больше не одна. Аманда вернулась, я смотрю по сторонам и всюду натыкаюсь на следы ее присутствия: на подлокотнике дивана тарелка с недоеденным куском хлеба, что-то недопитое в стакане. Скомканное одеяло в углу, рядом книга обложкой кверху, раскрытая все на той же странице.

В последнее время мой сон уже не такой чуткий, я почти не слышу, как она бродит по дому. Только иногда, повернувшись на бок в кровати, ощущаю, как вибрирует пол в моей комнате от ее запоздалых шагов.

Я не знаю, во сколько она проснется. Пью кофе, оставляю на столе печенье и чашку, уцелевшую с того времени, когда Аманда была подростком. Луч солнца падает на чашку, освещая жующую сено корову.

Я оставляю на плите пустой молочник, своего рода сообщение: погрей себе молока. Она сможет разбавить им оставшийся в кофеварке кофе или просто проигнорирует все это. Сможет оценить мою заботу или рассердится, что я нянчусь с ней как с маленькой.

Я никак не могу уследить за ее рабочим графиком, если это можно так назвать: мне кажется, она приходит и уходит всегда в разное время. Но вопросы на эту тему ее раздражают. Поэтому я стараюсь пересекаться с ней хотя бы за едой.

Проверяю, найдется ли в холодильнике что поесть посерьезнее, если она проспит завтрак. Яйца, сверкающие скорлупой, утешают меня. Она все такая же худая, моя дочь.

Убираю с ковра туфли и шлепанцы, заправляю диван. Стыдно, если кто-нибудь придет и застанет такой бардак. Телефон Аманды выключен, валяется под одеялом.

Можно идти. Пишу: «Я у бабушки». Оставляю записку возле вазы с желтыми тюльпанами. Рисую сердечко и тут же стираю.

2.

Мой отец живет на полпути из поселка в горы.

Этим утром он не в поле, сидит возле камина, недовольный. Когда он дома, время для него еле ползет: газета наскучивает с первой же полосы, а по телевизору одна болтовня.

— Ты должна поехать со мной кое-куда, — объявляет он.

Солнце такое яркое, что глазам больно. Отец никогда не носил солнцезащитных очков, жмурится каждый раз, когда очередной луч ослепляет его. Поворот за поворотом мы поднимаемся на его старой «Браве» все выше, у меня стреляет то в одном ухе, то в другом, гул мотора становится громче. Он сосредоточен на дороге: лицо передергивается на каждой выбоине в асфальте, нос заострился, губы крепко сжаты. В какой-то момент он, будто опомнившись, спрашивает об Аманде.

— Она спала, — отвечаю я, и мы снова молчим.

Перед нами гора. Свежая зелень ползет вверх по склону, окрашивает вековой буковый лес и то, что пастухи называют проплешинами, — места, где деревья больше не растут и простираются большие луга. За лугами еще зима.

Постепенно дорога становится более знакомой: сколько раз он ходил здесь пешком, когда дорога еще

была немощеной, а то и просто тропой. Теперь он проедет здесь хоть с закрытыми глазами. Отец смотрит в окно: он родился там, на этой полоске возделываемых полей, а через двадцать пять лет я тоже родилась там. В этой долине он был молодым, а я — ребенком. Потом мы переехали туда, где он живет сейчас. А здесь он занимался охотой и иногда браконьерством.

Давно мы не приезжали в горы вместе, даже и не счесть, сколько лет прошло. Отец чуть приоткрывает окно, глубоко дышит. Забывает об эмфиземе, аортальном стенозе, его впалые бледные щеки слегка зарумянились. Ему всегда не хватало воздуха, который он оставил здесь.

Мы добрались, куда он хотел, припарковались на обочине дороги.

«Домик Шерифы» все еще на месте, хотя самой ее уже нет. Я помню, как я сидела здесь среди туристов, за уличным столиком, в дыму от жарки арростичини*. Как помогала накрывать на столы, когда просили.

Едва распустившиеся листья буков почти касаются крыши.

* Арростичини (итал. arrosticini) — шашлык из баранины, типичное блюдо для региона Абруццо; считается, что его придумали пастухи. Они использовали подручные средства: в качестве гриля — обломок водосточной трубы с углями, а кусочки баранины попеременно с кусочками сала нанизывали на деревянные шпажки. — *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

— Этот кусок леса по-прежнему наш, имей в виду на будущее, — говорит отец, указывая на родовое имение своей семьи.

«На будущее» — это когда его не станет. Он объясняет, что я смогу обратиться в лесное хозяйство и рубить дрова на зиму. Он знает, что я не стану никуда обращаться и что в моем доме никогда не было открытого огня.

— Ты привез меня сюда, чтобы бросить в лесу? — шучу я.

— Мало же ты видишь.

Отец переходит улицу, сворачивает на подъездную дорожку, заросшую травой. Я неохотно следую за его болезненными шагами, я знаю, что там.

Вывеску кемпинга я помнила другой: с тех пор она потеряла несколько букв, а М повисла вверх ногами и превратилась в W. Ветка ежевики оплела запертые на подвесной замок ворота, я и не знала, что у отца есть ключ. Он с силой толкает створки, металлические трубы вязнут в заросшем грунте, но в итоге поддаются, и отец направляется к обветшавшим, давно заброшенным кирпичным постройкам. Под навесом несколько умывальников для гостей, кое-где прошлись вандалы: например, двери туалетов сорваны. Мы идем вдоль длинной стороны бассейна, отец по-прежнему на несколько шагов впереди. На дне мусор, сломанные ветки, над ними возвышается деревце — оно выросло там невпопад, по ошибке. Площадки для палаток больше не видно: все заросло бурьяном.

— Ты мне объяснишь, зачем мы сюда приехали? Кто дал тебе ключ?

— Хотел показать тебе, насколько меньше стало это место.

Я пожимаю плечами: все, я посмотрела, можно ехать назад. Это место меня не интересует.

— Все это тоже станет твоим, — говорит отец.

Я так встревожилась, что аж горло перехватило.

— Быть того не может. Ты же продал этот участок.

Отец сознается, что долго пытался, но ничего не вышло.

Какое-то время я молчу под птичье хоровое пение. Его регулярно прерывает соло кукушки.

— После того, что случилось, никому он не был нужен, даже даром, — будто оправдывается отец.

— Вот и мне не нужен, это место меня пугает.

Я повысила голос, эхо возвращает последние слогги. Земля станет моей против моей воли, я единственная наследница.

— На днях сходим к нотариусу и оформим дарение.

Вот она, власть, которую отец до сих пор мне показывает: он принимает решения, которых я не могу изменить.

— Я не возьму эту землю, я уже научилась думать сама за себя.

Поворачиваюсь к отцу спиной, иду к машине. Я больше не слышу лесных трелей о любви. Все это апрельское возрождение больше меня не касается.

3.

Милан или ничего. Так говорила Аманда о своем будущем в последний год школы. Под «ничего» подразумевался поселок — остаться здесь. Милан виделся ей городом, где для нее начнется настоящая жизнь.

Она готовилась все лето. В разгар жаркого дня я обнаруживала ее в кровати: один карандаш воткнут в волосы и держит пучок, второй ставит крестики в тестах. На улицу она выходила мало и неохотно. Все, кто ей писал и звонил, как ей казалось, уже остались в прошлом. Мои предложения она даже не слушала: Рим слишком близко, а Болонья — провинция.

— Зачем тогда твои одноклассники туда едут?

— Им смелости не хватает, привыкли ото всего держаться на безопасном расстоянии.

Мы купили два чемодана в торговом центре — большой и маленький. Она выбирала самые качественные, хотя и говорила, что собирается возвращаться домой только на Рождество и Пасху.

— Ты будешь приезжать ко мне время от времени, тебе пойдет на пользу, — ответила она на молчаливый протест в моем взгляде.

В сентябре отец повез ее в Миланский государственный университет на вступительные экзамены. Перед тем как войти в аудиторию, Аманда позвонила

мне. В голосе звучала знакомая смесь страха и упорства.

Она вернулась с огнями города в глазах.

— Там чувствуешь себя в Европе, — сказала она.

Они остановились поужинать в Навильи. Как я поняла из короткого рассказа, ей это показалось чем-то вроде экскурсии. Она так и сияла после двух дней, проведенных с отцом.

— Настоящий шницель — это совсем не то, что ты готовишь, — объявила она, утешительно положив руку мне на плечо.

Когда она сообщила бабушке, что зачислена, тот открыл ей банковский счет на тысячу евро. «С каждой пенсии буду добавлять по пятьдесят или сто», — пообещал он.

Он никак не мог поверить, что она сможет снимать деньги прямо там, в такой дали. А еще ему казалось загадкой то, что она собиралась изучать: международные науки и европейские институты. Хотя он и слышал, с каким возмущением она комментировала новости по телевизору.

Мой отец гордился своей единственной внучкой, занявшей тридцать вторую строчку среди более четырех сотен абитуриентов. Впрочем, она всегда нас удивляла, с самого рождения. Помню, как мы недоумевали из-за ее цвета волос: почти рыжие, у нас в роду ни у кого таких не было.

Я тоже гордилась баллом Аманды за вступительные тесты. И скрывала от самой себя полунадежду, что

она не сдаст. Где-то глубоко под землей, в норе таилась маленькая змея, мечтавшая удержать дочь при себе.

Я купила Аманде новые простыни и полотенца, пижамы и прочее необходимое, о чем молодые девушки и не вспомнят. За несколько дней я научила ее загружать стиральную машину, сушить темные вещи в тени. Ей предстояло познавать мир, который мне не довелось познать.

Я провожала ее на поезд, чемоданы были тяжелые.

— Хотя бы простыни можно было купить в Милане? — возмущалась она.

Но простыни ничего не весили по сравнению с банками соуса. Ей должно хватить на несколько месяцев: я специально приготовила по рецепту для долгого хранения. Все эти лишние, казалось бы, действия были необходимы, чтобы убедить себя в том, что она выживет без меня.

Лифт был сломан. Пока поднимались по слабо освещенной лестнице подъезда, обе вспотели. Открывшая дверь девушка смерила Аманду взглядом и указала на ее комнату.

— Потом зайдешь подпишешь договор, — сказала она.

Других соседок мы не встретили. Комната обставлена дешевой мебелью, по углам комки пыли. Аманду это, кажется, не смутило. Меня она долго задерживать не собиралась: я только помогла ей разложить вещи в шкафу.

— Зайду в туалет, — сказала я, прежде чем вызвать такси.

Я сидела на унитазе и разглядывала грязный кафель на полу. На самом деле грязи не было, просто плитка очень старая. В ванной клеенчатая шторка со слонами, на двери график уборки. Знак вопроса в таблице так и ждал, когда его сменит Аманда.

Миланское «Таксиблу» отвезло меня обратно на вокзал. Я крепко обняла Аманду на прощание. «Позвони, как доберешься», — сказала она, выскальзывая из объятий.

Впервые в жизни она просила об этом меня, а не я ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru